

Известия.
1999. — 14 авг. — с. 7

Ветчина 1948 года со свежим фруктовым салатом

Лондонская пресса о гастролях Большого театра

Петр ПОСПЕЛОВ

Оперная труппа Большого выступала в Лондоне вслед за балетной и показала на сцене «Коллизум» — два принципиально разных спектакля — «Бориса Годунова» Мусоргского в постановке 1948 года и оперу «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева, поставленную два года назад на московской сцене саром Питером Устиновым. Соединяет эти две столь контрастные работы должно было доказать выдающиеся виды лондонцам, что труппа с великими традициями подвластна и картинно-исторический стиль великой русской оперы, и стремительная эстетика XX века.

Читателю уже известно, что «Борис Годунов» пришел «на ура», в том числе и у критики, несмотря на «морщинистые растисные заданки и смехотворные пародии», несмотря на крик сфюфера и грохот за кулисами, несмотря на Елену Образцову, устроившую «выставку неперстойного трудного регистра» (другой критик даже предположил, что певица зарабатывает пенсию в качестве баритона), несмотря даже на профбессорски прилаженную оркестру Римского-Корсакова, от которой давно уже отказались на Западе и которая портит оперу Мусоргского так же, как испортили бы «Короля Лира» хелпи-энд.

И все же, — признается Руперт Кристиансен в «Дейли телеграф», — от начала до конца этого длинного вечера я витал в оперных небесах. Большой лелеет фундаментальную ценности, которые у нас были заменены полярными требованиями театральной интерпретации и в то же время «преданности» нотному тексту. Они же верят в большую оперу, которая обращается прямо к душе и к солнечному сплетению». По мнению Родни Милнеса из «Таймс», постановка в аристократическом сталинском стиле была старомодна уже в 1948 году, зато она тянется в прошлое, в XIX век и в глубины русской истории. Ричард Фейрмен из «Файнэншл таймс» определяет «Бориса» как ветчину, которая хорошо сохранилась по прошествии срока годности, и сетует, что лондонская Королевская опера опрощенно избивалась от собственного наследия 50-х годов, обкраивая тем самым новое поколение слушателей. Хор и оркестр под управлением Марка Эрмлера, многие певцы, и прежде всего исполнитель партии Бориса Владимир Маторин, снискали почти единодушное одобрение прессы. А пеню той же Елены Образцовой было названо настоящим Большим Стилем.

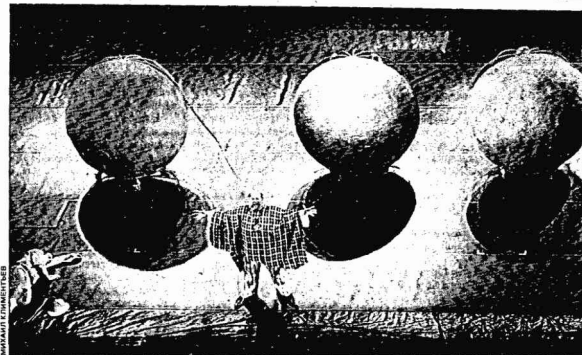
Не столь однозначны были отзывы критики на «Любовь к трем апельсинам». Эндрю Кларк из «Файнэншл таймс» озглавил свою рецензию так: «Слишком много зрелища в апельсинах». Критик находит, что Большой ничего, кроме традиционного стиля, предложить не может: его эстетика слишком закончена, чтобы изменить ее в одиночку. Поэтому постановка Питера Устинова, сделанная по западному рецепту, страдает от обилия «несвежих московских ингредиентов». К ним относятся и механическая красота, и воздушные шары, и статичная декорация Олега Шейнциса, выдающаяся степенными финансовыми обстоятельствами, и пантомима, которую критик называет старомодной. «То, что, конечно, ново для Москвы, для нас — вчерашний день», — пишет безжалостный Кларк. Его удивляет, что оркестр обогнал столь знаменитого Марка Эрмлера (его знают в Лондоне хорошо) гремел подобно круп-

нокалиберному оружию, а большие голоса певцов никак не могли слиться в должной гармонии. Владимира Маторина и Иринку Удалову он упоминает без какой-либо оценки, и с его стороны это уже высшая похвала.

Пораздо теплее отзывы Родни Милнеса. «Еще фруктового салата, пожалуйста» — так называется его рецензия в «Таймс». Постановка воспринимается его бесконечным нагромождением веселых и бессмысленных нелепостей, которые тем смешнее, чем невозмутимее относятся к ним Питер Устинов. Если «Борис Годунов» был оперной археологией в лучшем смысле слова, то «Апельсины» — все-таки шаг в XX век. Может быть, спектакль и не находится на острие современной эстетики, но полон энергии и удовольствия от собственной неумяемости. Сотни певцов и танцоров движутся в хорошедах внутри многоуровневой декорации Шейнциса, обнаруживая универсальные сценические мастерство. — Милнес советует желающим поучиться в русских консерваториях. Владимир Маторин, на взгляд критика, оказался столь же великим клоуном, сколь и великим Борисом. Критик хвалит

также Юрия Веденеева, Сергея Гайдея, Николая Васильева и Василия Кирюса в роли кукары-трансвестита, а также точный хор и оркестр, чья игра под управлением Эрмлера была чудесно полнокровна. Сравнивая оперную труппу Большого с более известной в Европе маринской, Милнес делает вывод, что «она не хуже и не лучше — просто другая. И хорошо было бы слушать ее в Лондоне как можно чаще».

Если один критик слишком скуп на похвалы, а другой, напротив, слишком щедр, то было справедливо остановиться на промежуточном вердикте, который вынес в «Дейли телеграф» Руперт Кристиансен. Ему тоже кажется, что московские слушатели могли быть приятно удивлены таким легкомыслием на своей священной сцене, но лондонцам после постановочных излишеств Давида Пауткина или Ричарда Джонса стиль Питера Устинова кажется слишком ручным. «Незрелый плод трудов Большого» пострадал еще и от нехватки репетиций, поэтому героическая самоотдача каждого из участников не спасла гастрольный показ от некоторого беспорядка. Есть и упрек глубокого свойства: дикуватая партитура молодого

«Любовь к трем апельсинам» на сцене Большого

Прокофьева должна быть сыграна и спета со сверкающей веселостью, ясностью и беззаботностью, а ни одно из этих качеств Большому театру по природе не присуще. Звучание оркестра критик находит богатым и наполненным, но манеру Марка Эрмлера — тяжеловесной и не соответствующей стилю. Однако можно только позавидовать той участливости не спасла гастрольный показ от некоторого беспорядка. Есть и упрек глубокого свойства: дикуватая партитура молодого

да превосходных тенора (Гайдей и Васильев), чудесное контрольно-Марини Шутовой и множество характерных певцов, способных к исполнению партий первого плана. Но, возможно, главный актив компании — это Владимир Маторин, который после прекрасно спетого Царя Бориса покорило справился и с Королем Треф. «Он — истинная блестящая звезда, заставляющая вспомнить о Шаляпице и том величии, которое утерпел питейский мир оперы сегодня».

Мнения британских критиков могут нас немного удивлять. Но наши страны все еще живут в разных временных пластах: не случайно «Борис» показался лондонцам гостем «с другой планеты». То, что нам, возможно, кажется пережитками советского прошлого, для них — осязающее явление забытого мощного стиля. И наоборот, желанное для нас обновление Европа расценивает скорее как проявление неискренности. Можем выбирать, чем больше гордиться.